

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ М.В. ЛОМОНОСОВА : КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ / ОТВ. РЕД. П.Е. БУХАРКИН, С.С. ВОЛКОВ, Е.М. МАТВЕЕВ. СПБ.: НЕСТОР-ИСТОРИЯ, 2013

М.В. Ломоносов – фигура, принципиально значимая для понимания, пожалуй, всей русской культуры Нового времени. Интерес к филологическому наследию Ломоносова обеспечивается глубинными потребностями этой культуры в самопознании и в саморазвитии. Книга «Филологическое наследие М.В. Ломоносова: коллективная монография» (отв. ред. П.Е. Бухаркин, С.С. Волков, Е.М. Матвеев) (СПб.: Нестор-История, 2013) отражает усилия современной науки понять и оценить этот грандиозный научный и культурный феномен. Основу сборника составили материалы конференции, посвящённой 300-летию со дня рождения Ломоносова. Но итоговый его текст нельзя назвать просто сборником текстов выступлений. С одной стороны, он явил собою портрет современной филологической мысли как в общетеоретическом, так и прикладном аспектах, а с другой стороны, воссоздал – и это очень ценно – некоторые фрагменты того культурного пространства, в котором формировалась поэтическая и теоретическая мысль Ломоносова. Сюжет первых двух разделов книги («М.В. Ломоносов и риторическая традиция» и «М.В. Ломоносов и формирование грамматической теории в России XVIII века») составляет процесс становления гуманитарных традиций в России и Европе середины XVIII века, и Ломоносов (по прочтении этих частей) видится *одним из многих* участников этого процесса. Сюжет третьего раздела («Идиолект М.В. Ломоносова») не столь динамичен, в силу его лингвистической заданности. Но даже и в этом разделе самый материал, анализируемый исследователями (топонимика Арктики, Петровская копия Радзивилловской летописи, слова «*нусть*», «*пускай*», «*пуццай*» в языке Ломоносова, немецкий язык Ломоносова), свидетельствует о том живом и сложном процессе становления языка, непосредственным участником и аналитиком которого был Ломоносов. В свете вышесказанного представляется допустимой корректура названия книги. В качестве рабочих альтернатив могут выступить такие названия, как «Ломоносов и филологическая русско-европейская традиция XVIII века» или «Литературное наследие Ломоносова: проблемы рефлексии и оценки». Книга претендует быть итоговой на современном этапе изучения своего предмета и, на наш взгляд, должна стимулировать новые изыскания в этой области.

Сфера филологических интересов Ломоносова, с одной стороны, и необходимость выяснения своеобразия его речевой практики, с другой стороны, определи-

ли глубинный замысел книги: условно её можно разделить на две части. «Первая из них посвящена как непосредственно филологическим работам Ломоносова, так и тому научному пространству, в котором сперва формировались, а затем уже и резонировали его филологические идеи» (с. 11). Вторая часть обращена к «разным сторонам ломоносовского идиолекта» (с. 13). Не выделенные композиционно, эти части открываются читателю по мере постепенного его ознакомления с книгой. Структурно книга разделена на три раздела: «М.В. Ломоносов и риторическая традиция», «М.В. Ломоносов и формирование грамматической теории в России XVIII века» и «Идиолект Ломоносова».

Первый раздел книги – «**М.В. Ломоносов и риторическая традиция**» – открывается статьёй «*Словарь-справочник «Риторика М.В. Ломоносова»: источники и тексты*», написанной заведующим отделом «Словарь языка М.В. Ломоносова» ИЛИ РАН **С.С. Волковым**. Ставшая плодом работы отдела по созданию трехязычного толково-энциклопедического «Словаря языка М.В. Ломоносова», словаря «М.В. Ломоносов и культура Германии XVIII века» и словаря «Риторика М.В. Ломоносова», статья являет собою описание ключевых проблемных вопросов, с которыми столкнулись составители словарей языка Ломоносова. Этими вопросами оказались отбор корректных текстов М.В. Ломоносова (тексты Ломоносова при подготовке издания АПСС были модернизированы и потому требуют сопроводительного комментария), создание инвариантного текста, необходимого по причине неустойчивости текста при

жизни автора, а также создание историко-проективного или справочного раздела словаря, позволяющего показать историко-культурную перспективу термина. Механизм подготовки авторского исторического терминологического словаря-справочника, обнажённый в статье С.С. Волкова, полезен как в методологическом аспекте (и, безусловно, будет учтён при составлении последующих словарей подобного плана), так и в общетеоретическом лингвистическом плане. Некоторое недоумение при этом вызывает отсутствие примеров словарной статьи описываемого словаря, а также вариативность названия этого словаря (обозначаемого то «Словарём риторических трактатов М.В. Ломоносова», то «словарь-справочник «Риторика М.В. Ломоносова») – что, впрочем, объяснимо тем, что Волков описывает не итоги, а процесс своей научной работы.

Если С.С. Волков раскрывает проблемы, с которыми сталкивается лингвист, изучающий и описывающий риторические труды Ломоносова, то **П.Е. Бухаркин** в своей статье «*Краткое руководство к красноречию...*» *М.В. Ломоносова: литературный статус и некоторые проблемы филологического изучения*» предлагает взгляд литературоведа на тот же самый материал. Опираясь на представление риторической культуры о красоте как критерии художественности, а также на рассуждения самого Ломоносова, по достоинству высоко ценившего эстетическую сторону своих трактатов, Бухаркин включает «Краткое руководство к красноречию...» в общеевропейский литературный контекст и замечает, что иллюстративная часть риториче-

ского трактата Ломоносова написана исключительно на русском языке и игнорирует оригиналы иноязычных текстов, переводы которых Ломоносов предлагал. Это не только поднимало культурный статус русского языка, но и превращало Ломоносова в неоспоримо авторитетную фигуру литературного пространства, соответствовавшую «самым неоспоримым авторитетам как древней, так и новоевропейской словесности» (с. 47). Более того – именно литературные примеры позволяют рассматривать ломоносовский трактат как первый в русской культуре опыт «авторского собрания сочинений и переводов» (с. 49). Осознание «Краткого руководства к красноречию...» как литературного феномена актуализирует необходимость его текстологического изучения. Бухаркин напоминает о таких известных ещё с середины XX века проблемах, как неправильный выбор варианта текста «Краткого руководства...» в качестве основного в АПСС, модернизация текста, небрежности его текстологического описания. Автор статьи предостерегает против восприятия «Краткого руководства к красноречию...» и «Краткого руководства к риторике» в качестве вариантов одного текста, а также воспроизводит историю комментирования произведений Ломоносова, подводя к мысли о том, что приемлемой формой современного комментирования «Краткого руководства к красноречию...» могло бы стать лексикографическое его описание.

Необходимость описания художественного языка Ломоносова и проблемы, возникающие на пути исследователя, описаны в статье **Е.М. Матвеева** «Проблемы описания тропов в поэтическом языке М.В. Ломоносова». Ста-

тья явилась промежуточным итогом деятельности группы филологов при ИЛИ РАН, поставивших своей задачей изучить и описать принципы функционирования тропов в поэзии Ломоносова. В результате решения задачи был составлен перечень тропов (метафора, олицетворение, метонимия, синекдоха, перифраза, антономазия, гипербола, литота), релевантных для поэтического языка Ломоносова. В статье приводятся примеры употребления каждого из этих тропов. Кроме тропов, говорится о явлениях, семантически смежных с ними. Таковы олицетворения, аллегория и миф.

Если статьи С.С. Волкова, П.Е. Бухаркина и Е.М. Матвеева, объединённые идеей словарной каталогизации риторических понятий и приёмов, использованных в научных и поэтических текстах Ломоносова, отражают состояние современной филологической мысли, то статья **Чердакова Д.Н.** «Предисловие о пользе книг церковных» в восприятии русской филологии XVIII – начала XIX века» описывает состояние русской критической филологии, в её отношении к творчеству Ломоносова, на рубеже XVIII – XIX веков. Чердаков опровергает сложившееся в русской филологической мысли представление о безусловной авторитетности «Предисловия о пользе книг церковных...» в развитии русской культуры и раскрывает суть новизны рассуждений Ломоносова о славенско-русском языковом синтезе. Теоретически обосновывая тему славенско-русского языкового единства, Ломоносов объединил историко-лингвистическую и риторическую сферу филологического мышления, различив (и соединив) человека читающего (языковые

характеристики этого типа субъекта национальной культуры определяются культурно-исторически) и человека пишущего (чьи языковые характеристики определяются риторически). Славенский и русский языки, как генетические целостности, соотносены со стилями, как риторическими целостностями, претерпевая при этом существенное и сущностное переосмысление: «два языка у Ломоносова преобразуются в три стиля» (с. 77). Послеломоносовская риторика и теория словесности оказалась равнодушна к учению Ломоносова о трёх стилях и ориентируется в его изложении на общеевропейские каноны. В трактовке же историко-лингвистической темы послеломоносовская филология либо отказывается от её внедрения в риторический контекст, либо следует Ломоносову лишь формально, оставляя риторическое начало неактуальным. В заключении статьи делается вывод об изолированности и уникальности учения Ломоносова, представленного в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке».

История риторики в оценке Даниэля Морхофа, немецкого энциклопедиста XVII века, предложена в статье **А.А. Ветушко-Калевича** «Полигистор» Даниэля Морхофа о риторике». Бегло воссоздав рисунок жизни Морхофа и перечислив основные его труды, Ветушко-Калевич подробно останавливается на энциклопедии по истории науки и литературы «*Polihistor literarius, philosophicus et practicus*». Для истории риторики основной интерес в «Полигисторе» представляет глава «*De scriptoribus rhetoricis*» это не только взгляд одного из образованнейших людей XVII века современную

ему риторику, но и важный библиографический справочник по риторике XVI – XVII столетий. Статья Ветушко-Калевича ценна размещённой в ней публикацией латинского текста главы «Полигистора» «*De scriptoribus rhetoricis*» и переводом его на русский язык. По причине того, что текст главы красноречиво говорит сам за себя, несколько излишним кажется пересказ Ветушко-Калевичем её содержания.

М.С. Трофимук в своей статье «Роль античной литературы в формировании теории литературы в Украине XVII – XVIII вв. (на материале курсов словесности Киево-Могилянской академии)» рассматривает характер соотношения украинской словесности (в её практическом и теоретическом вариантах) с опытом античной культуры, опираясь на хрестоматийное утверждение о равноправном сосуществовании на Украине традиции, «базировавшейся на автохтонном литературном процессе», и «античного наследия, имплантированного в украинский культурный процесс учебными курсами поэтик и риторик» (с. 166). Сумевшие получить образование в Европе и вернувшиеся на родину, украинцы получали возможность повышать уровень образования своих соотечественников, читая им лекции в различных учебных заведениях. Трофимук рассматривает рукописные и печатные курсы поэтик и риторик, читавшихся в Киево-Могилянской академии в XVII – XVIII веках, в свете трёх позиций: отношение украинской культуры к античным образцам (римская литература предпочтительнее греческой, но и римская, и греческая литература, в сочетании с идеей «Божественного происхождения поэтиче-

ского творчества» (с. 182), повышали культурный статус литературы и обосновывали самостоятельность поэзии как вида искусства), система жанров (представление о видах и жанрах литературных произведений совпадает с ренессансным генеалогическим учением) и учение о стиле (обучающий курс поэтики и риторики, предполагавший умение студента писать произведения, подражая манере письма того или иного античного автора, спровоцировал развитие литературного процесса на Украине и «превращение литературы на восточнославянских землях в полноценно искусство» (с. 191)).

Воспользовавшись материалами рукописных курсов риторики, написанных на латинском языке и читавшихся в духовных и светских учреждениях российской провинции второй половины XVIII века, **А.Д. Курилова** в своей статье «*Eloquentia officiosa в интерпретации российских риторик XVIII века на латинском языке*» указывает на устойчивый интерес учителей риторики (которыми могли быть как русские люди, так и европейцы) к группе речей, объединяемых понятием *eloquentia officiosa*. Авторы риторических курсов пытаются (правда, неубедительно) предотвратить возможные мысли о сервильности человека, обращающегося к подобным речам, выдвигая «любезность» и «почитание» как главные (и положительные) качества говорящего. В число жанров «любезного красноречия» входят речи поздравительные (с новым годом, с рождением ребёнка, с Рождеством, со свадьбой), речи приветственные, речи благодарственные и просьбы. При этом к «любезному красноречию» не примыкают панегирики, выделен-

ные авторами риторик в отдельный жанр. Несмотря на высказанное намерение проинтерпретировать речи, обозначенные авторами риторики как *eloquentia officiosa*, автор статьи ограничился описанием интересного и малодоступного материала, предложив читателю повод для размышлений о жанровой специфике эпидейктического толка в риторическом сознании русской культуры XVIII века.

Второй раздел книги – «**М.В. Ломоносов и формирование грамматической теории в России XVIII века**» – открывается двумя статьями, связанными общим материалом – им стал текст учебного пособия по русской грамматике «*Grammaire Francoise et Russe en Langue moderne accompagnee d'un petit Dictionnaire pour la Facilité du Commerce*» («**Грамматика французская и русская**»), изданного в 1730 году в Санкт-Петербурге. Опубликованная анонимно и изложенная на французском и русском языках, «Грамматика французская и русская» вызвала (и продолжает вызывать) интерес к национальной принадлежности её автора. Этим же вопросом озадачились и авторы статьи «*К проблеме автора «Грамматики французской и русской»: французский язык текста – ксенолект или родной язык?»* **Е.П. Иванова и К.В. Дрязгова**. Предположив возможность ответа на поставленный вопрос с помощью систематизации ошибок во французском языке учебника, авторы статьи проанализировали опечатки, грамматические ошибки и ошибки перевода текста «*Grammaire Francoise et Russe*» и, на правах вывода, сделали предположение о том, что автором изучаемой книги был, «вероятнее всего, носитель русского языка» (с. 216). К

мысли о русском происхождении составителя «Грамматики французской и русской» приходят также **Н.В. Карева** и **М.Л. Сергеев** в своей статье «*Грамматика французская и русская*» (1730) и *формирование академической грамматической традиции в первой половине XVIII века*». Но вопрос об авторстве «Грамматики» отходит для исследователей на второй план: в центре их внимания – научный и культурный контекст, который во многом сформировал содержание и структуру «Грамматики». Не выверенная и лишённая четко продуманной концепции, «Грамматика» раскрывает вдумчивому взгляду исследователей такие детали, как предполагаемый адресат учебника («скорее он был адресован путешественнику, запоминающему отдельные грамматические правила и слова прямо перед поездкой или уже в дороге» (с. 222)), теоретическая несостоятельность его автора, плохо владевшего лингвистической терминологией и грамматической теорией. Особый интерес представляет та часть статьи, в которой анализируется список сокращённых написаний под титлами в и делается вывод о принадлежности автора «Грамматики» к кругу преподавателей Академической гимназии или сотрудников Академии наук, а также о вероятном существовании списка-архетипа, общего для всех «грамматик Академической гимназии» и основанного на списке из «Букваря» Ф. Поликарпова (1701).

Перипетии судьбы И.С. Горлецкого, одного из первых профессиональных переводчиков в России, представлены в статье **А.С. Смирновой** «*Академический переводчик Иван Семенович Горлецкий*». На основании служебных

документов и академических протоколов Смирнова не только восстанавливает ключевые этапы жизни и переводческой деятельности Горлецкого, но и создаёт живой портрет Академии наук – места службы Горлецкого. Статья сопровождается публикацией рукописного текста автобиографии Горлецкого, до настоящего времени хранившейся в документах М.В. Ломоносова. В автобиографии Горлецкий описывает небольшой период своей жизни с 1717 по 1725 год (то есть время своей поездки за границу для получения образования), встречу и общение с Петром Первым и царским двором и своё назначение в Академию наук.

Процесс постепенного вытеснения латыни из немецкого научного обихода, а также осознание русской культурой высокой конкурентноспособности русского языка по отношению к национальным языкам Европы (испанскому, французскому, немецкому, итальянскому) описаны в статье **К.А. Филиппова** «*Лейбниц – Вольф – Готтшед – Ломоносов: к вопросу о грамматических теориях XVIII века*». Нескольким читателю покажется дублирование в выводах статьи мысли, предложенной в качестве стартовой, о многоаспектности грамматических идей Ломоносова. Но замеченное автором статьи разительное отличие судеб русского и немецкого языков (казалось бы, сходным образом напрягавшихся в становлении собственного научного стиля) заставит задуматься о прихотях и – подчас не замечаемых – парадоксах развития русского языка, оказавшегося вынужденным бороться за свой научный статус не только с латынью, но и с немецким языком, определявшим развитие академической науки в России XVIII века.

Сюжет расхождения судеб русского и немецкого языков (в варианте русской и немецкой грамматикографии второй половины XVIII века) продолжен в статье **В.А. Дюбо** «Изменение немецкой традиции в грамматическом описании русского языка во второй половине XVIII в. (на примере глагольных грамматических категорий)». Сравнив классификации глагольных категорий у Ломоносова и в «Грамматике Пор-Рояля», Дюбо делает вывод об их принципиальной разнице: Ломоносов в своих грамматических построениях ближе всего к немецким грамматикам его времени. В постломоносовский период русские грамматики, в отличие от немецких, ориентировавшихся прежде всего на морфологические признаки в описании грамматического материала, склоняются к использованию принципов универсальной грамматики и тем самым избавляются от немецкого влияния.

Раздел **Идиолект М.В. Ломоносова** открывает статья **Е.А. Савельевой** «Материалы для словаря языка М.В. Ломоносова в Петровской копии Радзивилловской летописи». В статье рассказывается о судьбе созданной в 1713-1716 годах по распоряжению Петра Первого копии Радзивилловской летописи, а также о принципах работы с этой копией М.В. Ломоносова. Хотя интерес Ломоносова к содержанию копии заключался, в основном, в сведениях исторического характера, Савельева замечает, что в контексте выполнения поручения канцелярии Академии наук по доработке и дополнению русско-латинского словаря важное для филологов значение будут иметь пометки лингвистического характера, оставленные Ломоносовым

на полях копии. Как правило, это были всевозможные лингвистические примечания и латинские формы для древних русских слов, которые не были понятны в середине XVIII века. Завершается статья перспективным выводом о том, что переводы Ломоносовым «отдельных терминов на латинский язык как в летописи, так и в других прочтенных и комментированных им рукописных и печатных книгах могут служить материалом для пополнения словаря языка Ломоносова» (с. 303). К статье прилагается копия тех страниц Петровской копии Радзивилловской летописи, на которых Ломоносов оставил комментарии и пометки лингвистического характера.

В статье **И.Н. Левиной** «Словарное описание идиолекта М.В. Ломоносова на синтаксическом уровне: изъяснительное предложение» анализируется лексикографическая презентация идиолекта Ломоносова на синтаксическом уровне. В качестве единицы описания рассмотрена модель сложноподчинённого изъяснительного предложения. Разработанная Левиной структура словарной статьи учитывает грамматический, коммуникативный и семантический аспекты описания предложения. Статья сопровождается пробными словарными статьями, дающими описание изъяснительного предложения в идиолекте Ломоносова, со словами «доказать»/ «доказывать» и «сомневаться».

Судьбу слов «*пусть*», «*пускай*», «*пуцай*» проследили **М.Г. Маматова** и **Д.В. Руднев**. И хотя название их статьи – «Функционирование слов *пусть/пускай/пуцай* в языке М.В. Ломоносова» – обещает ограниченный жёсткими временными границами

1739 – 1765 годов взгляд на семантику, грамматический и стилистический статус обозначенных слов, авторы сделали гораздо больше: с одной стороны, они выявили трансформацию семантики данных слов, рождение их нового грамматического статуса (частицы, помнящие о своём глагольном происхождении, начинают выполнять союзные функции), с другой стороны, они, пусть и косвенно, но затронули историю становления сложноподчинённого предложения со значением уступки, допущения. Наблюдения М.Г. Маматовой и Д.В. Руднева снабжены обильными и часто со вкусом отобранными цитатами текстов Ломоносова, что придаёт научной статье особый – поэтический – шарм, и были бы ещё более полезными читателю, если бы сопровождалась не только ссылкой на том и страницу источника цитаты, но и названием цитируемого произведения, а также годом его создания. В целом исследование авторов статьи можно расценивать как малый вклад в большую науку об истории становления русского литературного языка.

Разработанный Р.О. Якобсоном поэтико-грамматический подход к художественному тексту нашёл достойное продолжение в работе **Ф.Н. Двинятина** «Количественная грамматика глагола в торжественных одах М.В. Ломоносова». Наблюдения над функционированием глагола в торжественных одах Ломоносова позволили автору статьи сделать вывод о доминировании глаголов настоящего времени, о постепенно возрастающей роли глаголов повелительного наклонения, о колебаниях как длины глаголов, так и их количества от первой оды Ломоносова к последней. В целом об-

зор количественной морфологии глагола в торжественных одах Ломоносова рассматривается Двинятиным как «первый шаг в исследовании количественной глагольной морфологии русской поэтической традиции вообще» (с. 399).

Проблема «Ломоносов и топонимика Арктики» поднята в статье **А.А. Бурькина** «Ломоносов и топонимика Арктики (некоторые задачи интердисциплинарного изучения текстов)» и представляет собою пример продуктивности междисциплинарных исследований. Материалом исследования Бурькина стали не столько поэтические, сколько научные тексты XVIII века, и в особенности – «Краткое описание разных путешествий по северным морям...» М.В. Ломоносова, отписка С. Дежнёва об отрядном походе на восток от Колымы, «Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю...» Г. Миллера. Сопоставление этих текстов позволило автору статьи сделать предположение о том, что «коч Дежнёва был выброшен на берег где-то на территории современного Беринговского района Чукотки, откуда казаки <...> вышли в долину реки Великой и дошли по ней до её устья» (с. 408). Особое внимание Бурькин обращает на описание Ломоносовым некоего острова в Северном Ледовитом океане (относившегося, как выяснилось впоследствии, к Медвежьим островам, Новосибирским островам и острову Врангеля) и предполагает возможный источник этого описания. Завершает статью наблюдения над спецификой употребления топонимов в торжественных одах Ломоносова.

Завершается третий раздел книги статьёй **К.В. Манеровой**, занявшей-

ся изучением специфики немецкого языка Ломоносова («*Немецкий язык М.В. Ломоносова (на примере хронологической отнесённости идиолекта учёного)*»). Немецкий язык, безусловно, был важен для Ломоносова как в деловом, так и в научном и даже в личном (семейном) общении. Освоенный на высоком уровне, немецкий язык Ломоносова предоставляет лингвистам обширный материал для исследования. Работа по изучению немецкой составляющей идиолекта Ломоносова ведётся группой германистов, в число которых входит и К.В. Манерова. В процессе этой работы была рождена идея словаря «М.В. Ломоносов и немецкая культура XVIII века». Модель словарной статьи включает в себя, в числе прочих, компонент «хронологическая характеристика» описываемого слова. Признаками устарелости того или иного употреблявшегося Ломоносовым немецкого слова могут служить (по классификации Манеровой) его орфографическое написание, морфологические особенности, манера сокращать слова, использование терминов, канцеляризм, некоторых заимствований, региональных и диалектных вариантов, а также употребление образных средств. Сопровождается профессиональными комментариями,

немецкий язык Ломоносова не только получает в словаре лингвистическое и культурологическое освещение, но и позволяет «раскрыть индивидуальную неповторимость личности Ломоносова» (с. 424) (так, например, читателю открывается, что своё негативное отношение к чему-либо или к кому-либо Ломоносов подкреплял метафорами, чего при хорошем расположении духа обычно не делал) и «сообщить новые и интересные факты о рецепции немецкой культуры в России XVIII века» (с. 424).

В качестве приложения к сборнику выступает развёрнутая рецензия **А.В. Волынской** на книгу Б. Зубакина «Новое и забытое о Ломоносове». Б.М. Зубакин (1894 – 1938) – поэт и философ Серебряного века. Отбывая в 1929 – 1937 гг. ссылку в Архангельском крае, он написал книгу о жизни Ломоносова. Долгое время рукопись книги хранилась в личном архиве К.П. Гемп, а затем, по инициативе Гемп, перешла в руки историка-архивиста В.А. Волынской, которая и подготовила рукопись к изданию.

Сборник снабжён библиографией, указателем имён и списком сокращений.

О.В. Алексеева, Е.Я. Антонова